

Елена ВАЛЕВА
Институт славяноведения РАН

Ольга ИСАЕВА
Саратовский госуниверситет

МАКЕДОНИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ/СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

Любого специалиста по истории Балкан может поразить факт наличия огромной литературы, в том числе и на русском языке, касающейся Македонии. Авторы данного доклада поставили перед собой задачу выяснить: 1) каковы причины неугасающего интереса к этой центральной области Балкан; 2) какие проблемы интересовали исследователей в императорской России, Советском Союзе и сегодняшней Российской Федерации; 3) какова была их идеологическая мотивация и какие научно-познавательные задачи они ставили перед собой; 4) какими методами исторического исследования они пользовались и какие формы исторического знания преобладали в тот или иной период¹.

Интерес российских исследователей к Македонии проявился значительно позднее, нежели к другим славянским землям. Объясняется это тем, что до конца XIX века Македония – отсталая периферия Османской империи – не играла сколь-нибудь заметной роли. Но после Берлинского конгресса 1878 г. она приобрела важное геополитическое значение не только для формировавшейся системы независимых государств региона, но для политики великих держав. В начале XX века в условиях менявшегося распределения сил на мировой

---

¹ В связи с ограниченным объемом статьи в ней рассматривается лишь новая и новейшая история Македонии.

арене это значение только возрастало. Известно, что именно македонский вопрос – вопрос о судьбе османской провинции - стал основной причиной серии региональных конфликтов и войн начала XX века, проложивших дорогу к Мировой войне 1914-1918 гг.

В силу того, что Балканы всегда были зоной приоритетных внешнеполитических интересов Российской империи, события в Македонии на рубеже XIX-XX вв. оказались в центре внимания российских политиков и ученых. Следует напомнить, что традиция и идеология внешней политики Российской империи всегда предполагали деятельную поддержку и защиту единоверного и единокровного славянского населения Балкан. Уже с конца XIX века в России стали появляться первые публикации об этом крае Османской империи. Рассказы и фотографии, свидетельствовавшие о тяжелом положении местного христианского населения, образно говоря, были «фотографической съемкой» объекта. В начале XX века, когда ситуация в Македонии осложнилась и грозила новым обострением Восточного вопроса, начались интенсивные поездки русских путешественников и ученых в эту область. Наряду с путевыми заметками и научными отчетами появилась и соответствующая научная литература².

В публикациях того времени рассказывалось о произволе турецких властей в македонских вилайетах, приводившем к частым антиосманским выступлениям местного населения, а также анализировалось соперничество соседних стран - Болгарии, Сербии, Греции, мечтавших о полном или частичном включении этой историко-географической области в свои границы. Авторы отмечали, что ожесточенная борьба балканских государств за обладание македонскими территориями была напрямую связана с определением национальной идентичности местного славянского населения, составлявшего основную часть жителей края. В своем большинстве они

---

² См.: А. Амфитеатров, *Страна раздора. Балканские впечатления* (Санкт-Петербург, 1903); А. Башмаков (Вещий Олег), *Болгария и Македония* (Санкт-Петербург, 1903); Н. Кондаков, *Македония. Археологическое путешествие* (Санкт-Петербург, 1909); А. Селищев, *Доклад на заседании Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском Университете* (Казань, 1914); Н.С. Державин, *Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос* (Санкт-Петербург, 1914).

склонялись к тому, что славяне Македонии имели болгарское самосознание.

Авторы этих работ, будучи современниками драматических событий, по сути, не имели возможности оценивать их спокойно и беспристрастно. Поэтому большинство работ, не отличавшихся глубоким осмыслением происходящего, носило скорее публицистический, нежели научный характер и формировало публицистическое историческое знание. Тогдашние публикации субъективно и даже тенденциозно описывали и объясняли события, происходившие в то время в Македонии, чтобы соответствующим образом обосновать внешнеполитический курс Российской империи на Балканах или политику какой-либо политической партии России.

Так, политически ангажированным историком был П.Н. Милюков – видный представитель русского либерализма и крупный специалист по балканским проблемам. Он часто посещал Македонию как ученый, путешественник и как государственный деятель. Результатом этих поездок стали серия статей в газете «Русские ведомости» и журнале «Вестник Европы», а также книга «Балканский кризис и политика А.П. Извольского»³. Сделав вывод о преобладании в Македонии болгарского населения, Милюков признавал притязания Болгарии на эту территорию вполне обоснованными, тем более что Болгария, в отличие от Сербии и Греции, выступала против ее раздела. Милюков считал невозможным нарушение территориальной и национальной целостности Македонии. Не скрывая своих явных симпатий к стремлению Болгарии восстановить Сан-Стефанские границы, Милюков подчеркивал необходимость решения македонского вопроса путем предоставления Македонии автономии в составе Болгарского государства. Следует отметить, что Милюков не исключал возможности и обретения Македонией автономии в составе Османской империи. В дальнейшем он обходил молчанием вопрос о государстве, в рамках которого необходимо предоставить Македонии автономию, делая упор на сохранении ее целостности. В цикле статей,

---

³ П.Н. Милюков, *Балканский кризис и политика А.П. Извольского* (Санкт-Петербург, 1910).

опубликованных в газетах «Речь» и «Саратовский листок» (с 22 декабря 1912 г. по 12 марта 1913 г.), Милюков впервые представил точку зрения македонской интеллигенции и деятелей ВМОРО, которые выступали за единую и неделимую Македонию. Милюков отмечал, что «македонская» позиция была ближе всего болгарской. Предоставление Македонии автономии при номинальном сохранении статус-кво дало бы Македонии, по мнению Милюкова, шанс стать впоследствии независимым балканским государством.

Войдя в состав международной комиссии пацифистского фонда Э. Карнеги, Милюков как представитель России участвовал в написании доклада по анализу причин и последствий Балканских войн 1912-1913гг. Поскольку свои выводы о положении в Македонии в период военных событий Милюков основывал почти исключительно на болгарских материалах, то он подвергся критике за отсутствие объективности. Этот доклад комиссии Карнеги до сих пор не принимается в Сербии и Греции и не используется в качестве источника при изучении Балканских войн. Сомнения в беспристрастности П.Н. Милюкова может усилить также и то обстоятельство, что в «Письмах из Македонии», он делал однозначный вывод о преобладании болгарского населения в крае, отмечая при этом, что вполне определенное болгарское самосознание имело только городское население⁴.

---

⁴ Научно-исторические взгляды П.Н. Милюкова по македонскому вопросу исследованы в диссертации С.Г. Мирзоевой «Место македонского вопроса в научной и политической деятельности П.Н. Милюкова: 1898-1917 гг.», защищенной в Нальчике в 2002 г. В целом соглашаясь с выводами автора, можно возразить ему только по следующему вопросу. С.Г. Мирзоева полагает, что в решении македонского вопроса Милюков расходился с официальной российской позицией. Действительно, общим местом в историографии стало утверждение, что российская дипломатия, отвергая в принципе популярную идею автономии Македонии, активно содействовала накануне и в период Балканских войн 1912-1913 г. ее разделу между соседними государствами, причем в ущерб национальным интересам Болгарии. Однако если рассматривать все действия и предложения России по умиротворению Македонии с 1903 г. (Мюрцштегская программа) по 1913 г., то можно увидеть последовательное движение от весьма ограниченных преобразований в македонских вилайетах к весьма радикальным, открывавшим путь к изменению их административного устройства и введению автономного управления. (Подробнее см.: О.Н. Исаева, «От войны к войне: проблема Македонии в русско-болгарских отношениях (1878-1913 гг.)», сборник

Если П.Н. Милуков, лидер партии кадетов, главный смысл событий 1912 г. на Балканах видел в национальном освобождении славянских народов, то В. И. Ленин, лидер российских социал-демократов, следуя установкам К. Маркса, усматривал суть тогдашних балканских событий в социально-экономическом освобождении Македонии, последнего бастиона средневековья в Восточной Европе. Выделяя в Балканских войнах 1912-1913 гг. в качестве главных общественно-экономический и классовый аспекты, Ленин утверждал, что для Македонии завоевание ее Болгарией и Сербией означают буржуазную революцию, своего рода 1789 или 1848 годы. Победам балканских стран над Турцией Ленин придавал всемирно-историческое значение, полагая, что подрыв феодализма в Македонии означает великий шаг в общественном развитии балканских стран, задержанного турецким абсолютизмом и крепостническими отношениями. Войны на Балканах, по мнению Ленина, открывали новую главу всемирной истории, в которой исторической задачей демократических сил балканских стран, прежде всего балканского крестьянства всех национальностей, становилось окончательное освобождение от помещичьего и монархического гнета путем революции. Вину за исключительную кровопролитность Балканских войн Ленин возлагал на «коронованных разбойников и буржуазию»⁵. Статьям В. И. Ленина о Балканском кризисе 1912 г. надо уделить особое внимание потому, что высказанные там оценки и выводы способствовали зарождению марксистской традиции в отечественной, да и мировой историографии. Суть ее состояла в приоритетном исследовании экономического фактора и классовой борьбы как движущей силы исторического развития.

Россия-Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII-XXI вв. Российско-болгарские научные дискуссии (Москва, 2010).

⁵ В.И. Ленин, *Балканские народы и европейская дипломатия*. Полн. собр. соч., 5 изд., т. 22. (Москва, 1968); он же, *Новая глава всемирной истории*, там же; он же, *Ужасы войны*, там же; он же, *Социальное значение сербско-болгарских побед*, там же; он же, *О лисе и курятнике*, там же; он же, *Позорная резолюция*, там же; он же, *Балканская война и буржуазный шовинизм*, там же, т. 23 (Москва, 1973).

До раздела Македонии, осуществленного балканскими странами в 1912-1913 гг., ее история в России изучалась в основном как история территории. После Первой мировой войны, в целом закрепившей итоги Балканских войн, Македония, если и рассматривалась советскими авторами, то лишь в контексте истории государств, ее разделивших. К тому же, после большевистского переворота 1917 г. в России коренным образом изменилось содержание ее внешней политики на Балканах, которые стали рассматриваться новым советским руководством как важный резерв мировой революции. Поэтому в 1920-х - первой половине 1930-х годов положение в македонских землях анализировалось в основном с точки зрения возможности дестабилизации политической ситуации в Болгарии, Греции и Югославии и создания там революционной ситуации. Авторами большинства статей в журналах «Коммунистический Интернационал», «Мировое хозяйство и мировая политика», проявлявшими гипертрофированное внимание к революционному движению в регионе, были не столько профессиональные историки, сколько партийные публицисты. Со второй половины 1930-х годов революционные движения малых народов данного региона теряют свою былую значимость для советского руководства. В условиях начавшейся Второй мировой войны, когда знание исторического опыта приобрело особую актуальность, советские историки вновь стали обращаться к проблематике Балканского кризиса начала XX в.⁶

Новый всплеск интереса к Балканам в целом и к Македонии в частности, наступил после Второй мировой войны. Тогда в советской политике в регионе большевистский мессианизм соединился со старыми имперскими планами России. Особое место в этих планах «сталинского панславизма» уделялось обновленной Югославии и Болгарии. После образования в рамках югославской федерации македонской республики в СССР началось ее изучение по страноведческому принципу. В то время вообще отдавался приоритет изучению стран и народов по этническому принципу. Официальное рождение нового южнославянского народа, получившего этноним

---

⁶ А.А. Могилевич, М.Э. Айрапетян, *На путях к мировой войне. 1914-1918* (Москва, 1940).

«македонцы», открывало возможность создания новых гуманитарных дисциплин, связанных с его языком, историей и культурой. Следует отметить, что власти социалистической Югославии приложили значительные усилия для формирования особой македонской идентичности: она была институализирована в федеральные системы, гарантировавшие республике большие права, в ней целенаправленно развивалась сфера образования и культуры.

Но изучение в СССР всего корпуса проблем, связанных с историческим и культурным прошлым и настоящим Македонии, сразу же столкнулось с немалыми трудностями, носившими идеологический и политический характер.

Во-первых, конфликт между партийным и государственным руководством Советского Союза и Югославии 1948-1953 гг. крайне осложнил объективное изучение в СССР истории всех славянских народов, входивших в югославскую федерацию. К тому же, пресловутый македонский вопрос и после Второй мировой войны продолжил свое существование в качестве важнейшего фактора балканской политики. Новым моментом стало то, что разделившие Македонию страны оказались в противоположных военных блоках (Греция - в НАТО, Болгария - в ОВД), а социалистическая Югославия, по сути, стала страной нейтральной. В силу этого обстоятельства значение македонского вопроса резко возрастало в периоды международных кризисов. Македонский вопрос не только усиливал напряженность между западным и восточным военно-политическими блоками (в период гражданской войны в Греции), но и существенно ослаблял «фронт социализма» на Балканах. Между югославскими (македонскими) и болгарскими учеными шли ожесточенные споры по вопросу о том, существует ли македонская нация. Болгарская сторона отказалась в конце 1950-х годов от признания македонцев в качестве национального меньшинства и стала рассматривать население Пиринского края как этнических болгар, а македонцев, живущих в Югославии, как нацию искусственную, созданную по политическому заказу, а потому ущербную и нежизнеспособную. На позицию болгарских ученых и политиков влияла национальная традиция, в силу

которой большинство населения Болгарии смотрело на славянское население Македонии как на неотъемлемую часть болгарского народа.

Этнолингвистические споры между Болгарией и Югославией (Македонией) привели к тому, что македонская тематика была полностью исключена из научной сферы деятельности советских ученых. Но творческая мысль продолжала развиваться, ученые «работали в стол». В качестве примера можно привести первую в советской/российской историографии монографию по истории Македонии XIX в., подготовленную в конце 1960-х годов сотрудником Института славяноведения и балканистики К.Л. Струковой, опубликованную уже после смерти автора в 2004 г.⁷

Необходимость писать о Македонии в справочных и учебных изданиях привела к скандалу вокруг учебника «История южных и западных славян», подготовленного на Историческом факультете Московского университета в конце 1960-х гг.⁸ Советские ученые в 1970 г. в были вынуждены обсуждать вопрос, в каком ключе следует рассматривать историю Македонии: как историю территории, на чем настаивала болгарская сторона, или как историю самостоятельного народа, чего требовали югославы. К общему заключению так и не пришли, но основы концепции формирования македонской нации были заложены. В 1974 г. в свет вышел 15 том Большой советской энциклопедии (БСЭ) со статьями о Македонии и СР Македонии⁹. Эти материалы вызвали в Югославии настоящий скандал. Острая негативная реакция Болгарии и Югославии на публикации о Македонии справочного или учебного характера, их попытки придать им политическое звучание привели к фактическому запрету в СССР на исследования в этой области.

---

⁷ К.Л. Струкова, *Общественно-политическое развитие Македонии в 50-70 гг. XIX в.* (Москва, 2004).

⁸ *История южных и западных славян*, ред. И.М. Белявская, И.А. Воронков, В.Г. Карасев, И.В. Созин (Москва, 1969). Подробнее о перипетиях вокруг учебника см.: Е. Валева, О. Исаева, «Македонистика под запретом. К истории становления науки в СССР», сборник *България, Балканите и Русия. XVIII-XXI век. Българо-руски научни дискусии* (София, 2011).

⁹ Автор исторического очерка - Л.Я. Гибианский.

Советская концепция становления и развития македонского этноса впервые наиболее подробно была сформулирована в рецензии на пресловутый учебник по истории южных и западных славян, подготовленной в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 1970 г. Кратко суть этой концепции сводилась к следующему. Когда речь идет о средневековье, нет оснований говорить о существовании особого македонского народа на территории Македонии. Развитие национально-освободительного и культурно-просветительного движения в Македонии на протяжении большей части XIX века шло в общем русле болгарского национального Возрождения, начало формирования македонской нации приходится на вторую половину XIX века. Берлинский трактат 1878 г. изменил судьбу македонских земель и их населения. И хотя этническая, языковая, культурная общность Македонии и Болгарии еще сохранялась, раздельное существование их территорий способствовало возникновению особых местных задач и стремлений. Постепенно экономическая, политическая и культурная специфика вела, по мнению авторов рецензии, к вызреванию элементов македонской нации.

Со времени раздела македонских земель после Второй Балканской войны (1913 г.) социально-экономические и общественно-культурные процессы в разных частях Македонии пошли самостоятельным путем. Македонское национальное самосознание, язык и литература находились в процессе формирования вплоть до Второй мировой войны. Лишь образование Народной Республики Македония в рамках ФНРЮ положило начало «новому этапу развития македонского самосознания и формирования македонской нации в условиях социалистического строительства». Авторы рецензии сочли необходимым четко «констатировать факт: в рамках Социалистической Республики Македония развернулся процесс складывания македонской социалистической нации»¹⁰.

Начавшиеся в 1990-е годы кардинальные изменения общественно-политических условий в СССР не могли не отразиться на

---

¹⁰ Подробнее см.: Е. Валева, О. Исаева, “Македонистика под запретом. К истории становления науки в СССР”.

развитии исторической науки. Стала меняться тематика исследований, наметились новые приоритеты в методологии. С исчезновением идеологических запретов усилился интерес к острым национальным проблемам в Центральной и Юго-Восточной Европе, в том числе к македонскому вопросу. С крахом советской системы исчезли все ненаучные, политические причины запрета на изучение македонской проблематики. В условиях архивной «революции» начала 1990-х годов открылась возможность исследовать ее с подлинно научных позиций. В коллективных трудах по истории Болгарии, Югославии, по истории международных отношений на Балканах, изданных в постсоветский период, появились главы, посвященные истории Македонии¹¹.

Опираясь на недоступные прежде архивные фонды, вооруженные обновленным научным инструментарием, ученые вновь обратились к ключевой проблеме Балкан конца XIX -начала XX века – македонскому вопросу.

Исследованием истоков и содержания македонской проблемы стали заниматься Исаева О.Н., Ямбаев М.Л., Сквозников А.Н., Лабаури Д.О.¹². Осмысливая исторический феномен македонского вопроса, они справедливо отмечают, что в разные исторические периоды в него вкладывали различное содержание. Сложилось устойчивое представление, что после 1878 года главным было политическое содержание, то есть политическое будущее трех македонских вилайетов, на обладание которым претендовали все соседние государства. Политическая составляющая неизбежно вызывала

---

¹¹ См.: *Нации и национальный вопрос в странах ЦЮВЕ во второй половине XIX - начале XX века* (Москва, 1991); *Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий)* (Москва, 1994); *Болгария в XX веке. Очерки политической истории* (Москва, 2003); *История Югославии в XX веке: очерки политической истории* (Москва, 2011); *На путях к Югославии: за и против* (Москва, 1997); *В «пороховом погребе Европы». 1878-1914* (Москва, 2003).

¹² См., напр.: Д.О. Лабаури, “Идеология македонизма в 1886-1903 гг.”, *Славяноведение* (2005), 2; он же, *Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894 – 1908 гг.: идеология, программа, практика политической борьбы* (София, 2008); М.Л. Ямбаев, “Сербская политика в Македонии на рубеже XIX–XX веков глазами русских консулов”, сборник *Двести лет новой сербской государственности* (Санкт-Петербург), 2005; А.Н. Сквозников, *Македония в конце XIX - начале XX века – яблоко раздора на Балканах* (Самара, 2010).

актуализацию и другого аспекта македонского вопроса – этнического, связанного с определением национальной принадлежности местного славянского населения. Исследователи выявили феномен лабильности этнического сознания части славянского населения Македонии. В ряде работ убедительно показывается, что неопределенность национального самосознания, присущая преобладающей части македонских селян, создавала благоприятную почву для деятелей болгарской, греческой и сербской пропаганд, а те, в свою очередь, способствовали развертыванию в Македонии этномотивированного терроризма¹³. Анализ путей разрешения македонской проблемы, предлагавшихся в конце XIX - начале XX вв. как внутренними, так и внешними силами, показал, что тупиковыми оказались и революционный, и эволюционный (мирный) путь. В результате была открыта дорога к военному решению проблемы силами самих балканских государств.

Открытие архивов стимулировало исследование македонского движения в рамках международного коммунистического движения 1920-30-х гг.¹⁴ Если в начале своей деятельности Коминтерн не уделял внимания национальному вопросу, считая его отвлекающим внимание от классовой борьбы, то затем в нем стали усматривать катализатор революции. Что касается Балкан, то здесь пропаганда этнического сепаратизма сочеталась с балканским федерализмом. В статьях Р.П. Гришиной показана эволюция отношения большевистского руководства к македонскому вопросу, который со временем стал рассматриваться в качестве одного из важнейших инструментов прогнозируемой на Балканах революции. Балканская

---

¹³ О.Н. Исаева, “Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии”, сборник *Македония. Проблемы истории и культуры* (Москва, 1999); она же, “Национальное самосознание славянского населения Македонии в начале XX века”, *Славяноведение* (2002), 3; В.И. Косик, “Гордиев узел Балкан”, сборник *Македония. Проблемы истории и культуры* (Москва, 1999); М.Л. Ямбаев, “Четы Внутренней македонской организации на начальном этапе деятельности”, *Славяноведение* (2006), 1.

¹⁴ *Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов* (Москва, 2000-2003).

коммунистическая федерация приняла решение о наличии уже в то время отдельных македонской, фракийской, добруджанской наций¹⁵.

Вопрос о времени появления на исторической арене македонской нации до сих пор сохраняет свою дискуссионность и требует углубленного изучения. Но исследователям, занятым поисками конкретных дат или событий, так или иначе связанных с этим процессом, стоит прислушаться к мнению авторитетного российского историка Р.П. Гришиной, полагающей, что в условиях Балкан «с их этнической чересполосицей, с частой вынужденной миграцией населения с места на место, из страны в страну особенно трудно определить, когда “начинается” собственно нация, а также затруднительно сказать, когда ее строительство более или менее состоялось»¹⁶.

Еще одной проблемой, пользующейся повышенным вниманием российских историков, являются планы Москвы в отношении Македонии в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы, а также проекты балканской интеграции, обсуждавшиеся балканскими коммунистическими лидерами в период антифашистского Сопротивления. Планы кардинального решения македонского вопроса в конце Второй мировой войны, предлагаемые Москвой и компартиями Болгарии и Югославии, исследованы Л.Я Гибианским. Они касались изменения границ Македонии в рамках федерации южных славян. Автор вскрыл нарастание противоречий между Тито и Димитровым по вопросу о южнославянской федерации, в рамках которой и предлагалось окончательное решение македонского вопроса. Нарастающее противостояние двух складывающихся блоков в мировой политике и его влияние на послевоенное устройство Балкан, в ходе

---

¹⁵ Р.П. Гришина, “Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (по документам Коминтерна)”, сборник *Национальный вопрос в Восточной Европе: прошлое и настоящее* (Москва, 1995); она же, “Формирование взгляда на македонский вопрос в большевистской Москве. 1922-1924 (По документам российских архивов)”, сборник *Македония: проблемы истории и культуры* (Москва, 1999); Я. Войтова, *Македонский вопрос и политика Коминтерна (1918-1925)*. Автореферат дисс. (Краснодар, 2007).

¹⁶ Р.П. Гришина, *Лики модернизации в Болгарии. (Бег трусцой по пересеченной местности)* (Москва, 2008), 101.

которого периодически всплывал вопрос о Македонии, исследовал А.С. Анিকেев¹⁷.

В рамках темы становления новых независимых посткоммунистических государств Юго-Восточной Европы объектом исследования стала Республика Македония, обретшая свою независимость в 1991 г.¹⁸. Специалисты пытались выяснить, почему этому государству, несмотря на всю остроту межнациональных отношений, крайне тяжелое социально-экономическое положение, враждебное внешнее окружение и бушевавшие по соседству вооруженные конфликты, на протяжении почти 10 лет удавалось сохранять мир и спокойствие. Затем их внимание привлекло острое македоно-албанское противостояние начала 2000-х гг. Подводя промежуточные итоги двадцатилетнего существования этого государства, исследователи отмечают, что Республика Македония, обремененная многими проблемами экономического, этнодемографического, внешнеполитического характера, находится в политической «серой зоне», характеризующейся синдромом бесплодного плюрализма. Смена у руля политических партий, построенных либо по гражданско-социальному, либо по этнически-государственному принципу, не приводит к существенным изменениям во всех сферах жизни. Разность этнических идентификаций, менталитета и конфессиональной принадлежности во многом обуславливает высокий

---

¹⁷ Л.Я.Гибианский, “Проблема Македонии и вопрос о федерации на Балканах в отношениях между Москвой и коммунистами Югославии и Болгарии в 1941-1945 гг.”, сборник *Македония: проблемы истории и культуры* (Москва, 1999); А.С. Анিকেев, “Македонская проблема в контексте международных отношений на Балканах. (1943-1949)”, сборник *Македония: проблемы истории и культуры*; он же, *Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945-1957)* (Москва, 2002).

¹⁸ А.В. Карасев, В.И. Косик, “Этапы борьбы македонского народа за независимость”, сборник *Македония. Путь к самостоятельности. Документы* (Москва, 1997); Е.Ю. Гуськова, “Первые шаги Македонии на пути самостоятельности (1991-1995 гг.)”, сборник *Македония. Путь к самостоятельности*; С.А. Романенко, *Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств* (Москва, 2000).

уровень конфликтности межличностных отношений, зачастую транслируемых на политическую систему общества¹⁹.

В последнее десятилетие российские исследователи плодотворно использовали цивилизационный подход (или, точнее, концепт цивилизации), который позволил смягчить экономический детерминизм и развернуться в анализе исторических процессов к человеку. Введение концепции модернизации, давно используемой в западной исторической науке, также расширило операционное поле для российских ученых, помогло им выйти за пределы узких страноведческих исследований и применить междисциплинарный инструментарий.

Коллектив Института славяноведения РАН подготовил целую серию трудов под общим названием «Человек на Балканах», посвященных различным аспектам модернизации в традиционном обществе балканских стран. Этот крупномасштабный проект позволил выявить не только специфику региона, но и сопоставить развитие отдельных его государств. В трудах этой серии была затронута и македонская проблематика. Дальнейшее развитие она получила в монографии Р. П. Гришиной «Лики модернизации в Болгарии»²⁰. В ней македонский вопрос исследован автором и на партийном, и на государственном уровне. Рассматривая дилемму, вставшую перед Болгарией и другими балканскими государствами в начале XX века – война или модернизация, автор делает вывод, что выбор в пользу войны был сделан при большом давлении «македонствующих». Приоритет же силовой политики над проведением в жизнь курса на развертывание производительных сил затормозил движение балканского общества по пути действительной модернизации. Балканские войны 1912-1913 гг. оборвали линию экономического и социокультурного восхождения Болгарии, добытого трудом ее населения за 30 лет после Освобождения. Обращаясь к «вечному» для

---

¹⁹ Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен (Москва, 2007); Е.Г. Пономарева, *Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы)*, (Москва, 2007).

²⁰ Р.П. Гришина, *Лики модернизации в Болгарии*.

Балкан национальному вопросу, один из авторов работ указанной серии «Человек на Балканах», Ар.А. Улуныан приходит к парадоксальному выводу, что именно «решенность “государственного вопроса” в его балканской форме с этнополитической моделью государственно-территориальной организации вела к нерешенности так называемого национального вопроса»²¹.

Следуя антропологическому принципу, отечественные ученые проявили в последнее время особый интерес к личности и ее роли в истории. Этот интерес вполне оправдан, поскольку уравнивает прежний крен в сторону абстрактных изысканий из истории классов, социальных групп, их борьбы за смену общественных формаций. Усилиями целого коллектива авторов была создана галерея наиболее ярких лидеров стран Центральной и Юго-Восточной Европы, объединенных идеей объединения нации и создания единого государства²². Герои этой книги, вошедшие в пантеон национальной истории, выступили на ее авансцену в переломную для всего континента эпоху, центральным событием которой стала Первая мировая война. Именно с ней они связывали окончательное решение «своего» национального вопроса, реализацию «национального идеала».

В названном издании впервые в российской исторической литературе создан портрет знаковой фигуры для Болгарии и Македонии - Тодора Александрова, профессионального революционера-террориста, принимавшего самое непосредственное участие во всех перипетиях македонского вопроса²³. Еще до недавнего времени в исторической и мемуарной литературе (главным образом, болгарской) Т. Александрова либо превозносили, либо ругали, а его деятельность замалчивали, он побывал и героем национально-освободительной

---

²¹ *Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX - первая половина XX в.)*, (Москва, 2004), 127.

²² *До и после Версаля. Политические лидеры и идеи национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе* (Москва, 2009).

²³ Р.П. Гришина, “Между Болгарией и Македонией: идеи и практика Тодора Александрова (миф о легендарном болгарском патриоте)”, сборник *До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе*.

борьбы, и военным преступником. Основываясь на недавно введенные в научный оборот болгарскими специалистами документальные материалы, автор соответствующей статьи Р.П. Гришина попыталась воссоздать объективный образ этого крайне неоднозначного политического деятеля, воинствующего революционера, проложившего путь к войне на Балканах с помощью циничных провокаций с массовыми жертвами в Македонии. Развенчивая «миф о легендарном болгарском патриоте», Гришина задается вопросом: чего же хотел в действительности Александров – свободы Македонии или власти над ней? Чем была для него Болгария? Дать прямые ответы на эти вопросы, считает автор, не получилось ни у его современников, ни ныне – притом ни в Республике Македония, ни в Республике Болгария.

В последнее время стали исследоваться новые аспекты македонской истории. Так, церковная жизнь в Македонии в первой половине 1940-х гг. анализировалась исследователем из Санкт-Петербурга М.В. Шкаровским²⁴. Он пришел к выводу, что основание самостоятельной Македонской православной церкви происходило при активной содействии коммунистического руководства Югославии, заинтересованного в ослаблении власти Сербской православной церкви.

Современные российские исследователи, расчищая историческое поле от почти вековых политических наслоений в виде мифов и стереотипов, не оставили без внимания мифологическую трактовку национальной истории, характерную для современной македонской историографии и, по сути, являющуюся примером использования истории в политических целях. В статьях В.К. Волкова, В.А. Шнирельмана были подвергнуты справедливой критике попытки македонских авторов экстраполировать историю своей страны в далекое прошлое, придать ей легендарный характер. Указанные авторы отмечают, что безраздельное господство этноцентризма при создании национальной истории приводит не только к искажению исторических реалий, но и к расхождению с общепринятыми достижениями мировой

---

²⁴ М.В. Шкаровский, “Церковная жизнь в Македонии в 1941-1944 годы и создание Македонской православной церкви”, *Славяноведение* (2012), 5.

исторической науки. В статье О.Н. Исаевой рассматриваются основные тезисы концепции запоздалого развития македонской нации, концепции радикального македонизма, имевшего сначала «славянскую», а затем «античную» версии²⁵.

Беглый анализ рассмотренных работ позволяет уловить критическое отношение современных российских авторов к предшествующей во многом идеологизированной историографии и стремление обратиться к дискуссионным вопросам. Их анализ фактического материала в системном контексте позволяет взглянуть на историю региона и его отдельных стран как на процесс нелинейного характера со своей динамикой, подверженный воздействию многих факторов. Печально известному македонскому вопросу, как любой крупной проблеме, касающейся исторического бытия народов и государств, пока нельзя присвоить статус «решенной проблемы». Все имеющиеся на сегодняшний день исследования означают не «закрытие» темы, а новую, более глубокую ее постановку.

---

²⁵ В.К. Волков, «Македонский вопрос в политике и науке», сборник *Македония: проблемы истории и культуры* (Москва, 1999); В.А. Шнирельман, «Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика», сборник *Македония: проблемы истории и культуры*; О.Н. Исаева, «Македонский дискурс в современной историографии», *Славянский альманах* (Москва, 2009).

Elena VALEVA
Olga ISAEVA

MACEDONIA AS AN OBJECT OF STUDY IN THE WORKS OF RUSSIAN / SOVIET HISTORIANS

-S U M M A R Y-

The following issues are discussed in this article:

- The reasons of historians' undying interest to the central part of the Balkans;
- The scope of problems viewed by historians in the Russian Empire, the Soviet Union and the Russian Federation;
- Tasks and methods prevailing in different periods of the XX century.

The historical research of Macedonia, which is a rather complicated territory in terms of ethnics and religion, started in the end of XIX century. Excessive politicization "of the Macedonian question" made research extremely difficult in Soviet time. With the beginning of the Perestroika, the unofficial ban on the study of the Macedonian perspective in the USSR was withdrawn. Modern Russian researchers seek to objectively understand the key moments in the history of Macedonia, the phenomenon of the "Macedonian Question" on the basis of current scientific knowledge.